[illegible]

ЭТНОНИМЫ И ЭТНОНИМИЧЕСКИЕ АНТРОПОНИМЫ В ЗАУРАЛЬЕ

(по данным памятников
русской письменности XVI - XVIII вв.)

Этнографический аспект исследования ономастики все более привлекает внимание ученых[1]. Аспекты взаимодействия русской антропонимии и этнонимии представляются слабо изученными. Исследователи исторической антропонимии отмечают: фамильных прозваний от этнических прозвищных имен не очень много[2]. В этой связи расширение источниковедческой базы исследования будет перспективным. Поскольку успех исследования и его объективность зависят “не столько от применения новых и усовершенствования старых методов. Но также и от того, на каких источниках оно построено и в какой степени освоены эти источники[3].

Предметом данного исследования послужили этнонимы и образованные от них собственные имена, выявленные в памятниках письменности, относящихся к Зауралью в период его первоначального заселения русскими.

Это тексты деловой документации разных типов - дозорные, писцовые, переписные книги, ревизские сказки, крестоприводные записи, вкладные монастырские книги, рядные, подорожные, челобитные, кабальные, поручные грамоты, ясачные книги, статейные списки. В основном, это невостребованные ранее источники, хранящиеся в центральных и местных архивах. Таких, как: Центральный государственный архив древних актов в Москве, Отдел рукописей российской госу-

дарственной библиотеки, Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге, Филиал государственного архива Курганской области в Шадринске, Государственный архив Тюменской области в Тюмени и его филиала в Тобольске. Исследуемые источники дают возможность проследить заимствование личных имен народов друг у друга, в том числе имен этнонимического происхождения (у вогулов (манси), например, зафиксированы имена Латышко, Полячко, Карелко).

Обращение к анализу этнонимов имеет историко-культурную ценность, поскольку направлено на изучение народов, познание истоков их духовной культуры. В Зауралье формирование русской культуры протекало в условиях тесных контактов со многими народами. Актуальность затронутой проблематики состоит и в том, что дает возможность проследить по данным памятников процесс антропонимизации этнонимов.

Введение в научный оборот имен, бытовавших в XVI - XVIII вв. в Западной Сибири в местной огласовке, дает в руки исследователей материал, позволяющей делать выводы этимологического характера. (Срв., например, фиксацию слова в вариантных формах: калмак, колмак, калмык, калманка, калмачонок). Привлечение к изучению данного круга лексики позволяет также наблюдать словообразовательные процессы, отражающие общность суффиксального оформления этнонимов, антропонимов, апеллятивов.

Исследуемые памятники деловой письменности оригинальны, локализованы, датированы. Их создание протекало синхронно с освоением русскими Зауралья. Охарактеризуем их кратко с точки зрения содержания в них изучаемых языковых единиц. Дозорные и Переписные книги, фиксирующие учет тяглого населения, давали развернутую формулу именования, в которой указывалось личное имя, патроним, прозвище или фамилия, приводились апеллятивы, идентифицирующие личность. К числу таких идентификаторов относились и этнонимы, служившие зачастую мотивирующей основой в образовании прозвищ, а затем и фамилий. Срв.: “во дворе Ивашко Матвеев сынъ Калмыкъ сказался родомъ де онъ Ивашко ис калмыков жил в Тобольску у пятидесятника у Матюшки Княжево и ис холопства свобожен живет на Тюмени” (Переписная книга Тюмени, 1700 г. ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 1276. Л. 96 об.).

Назначение Крестоприводных книг - запись принесенной присяги на верность новому государю: “Книги имянные хто имянемъ верхотурские и приезжие всяких чинов русские люди целовали крестъ великому государю царю и великому князю... и которые вагуличи приведены

в съезжей избе к шерти” (1646 г. ЦГАДА. ;Ф. 214. Кн. 194. Л. I); “тюменские юртовские служилые татара, которые по своей вере на куране шерть дали” (1646 г. ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 956. Л. 155). Слово *шерть* - “присяга мусульман на верность” дает название данным документам Шертовальные книги.

В Крестоприводных книгах меньше информации об отдельном человеке, но, тем не менее, их ценность - в фиксации данных об именах этнонимического прохождения, именах, реально бытовавших в жизни. Срв.: Русинко Терешкин, Чудинко Сырьянов, Ванька Татаркин, Табанайко Калмаков (Верхотурье, 1683 г. ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 746. Л. 117 - 126).

Интересующую нас информацию содержат также Ясачные книги, регистрирующие сбор ясака с инородцев. Срв.: “ясашной и поминочной казне мягкой рухледи что взято Березовского уезду с окладных съ ясачных людей с остяков... с самоядь” (1631 г. ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 32. Л. 240), “лучшей человекъ Егилдейко Колмаков” (Там же. Л. 182).

Небезынтересны также и Вкладные монастырские книги. Запись имени приносящего вклад в монастырь записывалась с его слов. Формула именования свидетельствует о включении в нее этнонима в функции прозвища. Срв.: “Беляковской слободы Сергей Сегиев сын назвищем Башкир” (ФГАКО. Ф. 224. Кн. I. Л. 6).

Заслуживают внимания Статейные списки, документы, отражающие дипломатические отношения с другими государствами. Срв.: “Отписка об отпуске ис Тобольска в Даурские остроги капитана Осипа Булгакова с мунгальскими посланцы” (1691 г. ЦГАДА. Ф. 214. Ст. 1049. Л. 2).

Поскольку Сибирь служила местом ссылки, в документах мы находим свидетельства о проживающих в Тюмени, Тобольске и других местах пленных шведах, сосланных во время Северной войны. Срв.: “швецкой полоняникъ... в роспросе сказался порутчикъ а зовут ево Юганом прозванием Свец” (ГАТО. Ф. И 47. Кн. 3145. Л. 2 об.).

Представляют интерес реестры “присыльным литовским людем” (ЦГАДА. Ф. 214. Ст. 55. Л. II). Этноним, представленный в разных вариантах: литва, литвин, литвинец, литовский, литовские люди - употреблялся и для наименования переселенцев из Юго-Западной Руси, в том числе и для белорусов, украинцев, поляков. Срв.: Васька Юрьевъ сынъ Черниговец, Ивашка Петров изо Львова, Корнилко Литовской, шляхтич Степан Островской, Ивашка Васильевъ белорусецъ (там же).

Представляют интерес также и ревизские сказки, ставившие целью выявление “у всяких чинов служилых и посадских людей да куплен-

ных крепостных калмыков и татарской и башкирской и мунгальской породы” (ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2157. Л. I).

Определенную информацию предоставляют различные акты: отписки, грамоты, указы. Срв.: грамота “об отправке в Тобольск ссыльных привезенных из Казани на Верхотурье литвина Залешенина Чюдина Чортова” (ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Ед. 36).

Исследуемые материалы содержат термины: **род, природа, порода.,** означающие понятия “**этнос**, **народ**, **нация**”. Срв.: “Ивашко Матвеев сынъ Калмыкъ сказался родомъ де онъ Ивашко ис калмыков” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 1276. Л. 96 об.), “Микифорко Семеновъ родом муромец” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 74. Л. 168), незаконнорожденной Матвей родился в доме у него Костромина от девки башкырской природы Агрофены” (ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2055. Л. 147), дворъ сынъ боярского Станислава Брезовского польской природы” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 1317. Л. 232) , “татарские породы девка Овдотья Васильива дочь” (ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 226 об.), “двор присыльного иноземца французские породы Марка” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 1317. Л. 32), “гулящей человекъ породою важанин именем Федор” (ФГАКО. Ф. 224. Кн. 2. Л. 268).

Заимствование из латинского слова нация пришло в русский язык через польский в Петровскую эпоху[4], в местных материалах оно употребляется в документах о ссыльных. Срв.: “польской нацы Максимъ Ивановъ польской нацы Осипъ Жерновъ” (ЦГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 3574. Л. 28 об.), “Прокопей Васильев сынъ Головков у него жена Анна Алексеевна дочь взятая шветцкой нации” (ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2055. Л. 156).

Приводимые тексты, иллюстрирующие функционирование данных слов со значением “принадлежность к этносу”, указывают и на возможность их употребления со значением “место рождения или проживания”. Это совмещение в одном этнониме указание на народ и на наименование территории известно было в древнерусском языке. Срв., например,: корела - племя и наименование побережья Белого моря, известное по данным Новгородской Первой летописи[4]. Это совмещение значений выражено также в том недиференцированном употреблении этнонимов, которое мы встречаем в местных источниках. Срв.: “во дворе Сергушка Иванов сынъ Нищего Калмыкъ сказался родомъ де онъ Сергушка калмыцкой земли” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 1276. Л. 100).

Поскольку пришедшие за Урал русские оказались в окружении иных народов, можно предполагать, что именно поэтому этнонимы, означающие принадлежность к русскому народу, послужили основой их функционирования в качестве личного и прозвищного имен, а так-

же фамилий, которые и ныне бытуют в Зауралье: Русский, Русских, Русаков, Русанов, Русинов, Русенин, Русенихин. Срв.: “порука... старосте Русину Елисиеву сыну Александрову” (1599 г. ЦГАДА. Ф. IV. Оп. I. Ст. 144. Л. 27), “Афонька Андреевъ сын Русакъ сказался родомъ де онъ Афонька из русских городов” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 1173. Л. 15), “Русинко Терешкин” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 746. Л. 123), “Камышловские слободы житель Иван Ларионов Русинов” (ФГАКО. Ф. 224. Кн. 65. Л. 35), “двор конного полку отставного казака Маркела Федорова прозвание Русанов” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 1317. Л. 120 об.), “Ивашку Иванову сыну Бугрышу Русинихину зятю пахать” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 10. Л. 109). Функционирование этнонимов русин и русан в качестве личных имен известно было в старорусских памятниках письменности. Срв.: Русак Федорович Головцын (конец XVI, Кострома); Русин Степанович Муравьев (1571 г.)[5].

В Новгородских Кабальных книгах конца XVI в. встречаем: “кабальной послух Третьячко Русской”[6].

Возможно, возникновение имени, а затем фамилии в том или ином родословии не всегда отражало этническую принадлежность носителя. Имя могло отражать традицию семьи. Например, в одной из родословных книг по Ростову (1508 г.) встречаем: “Русин и Мещерин Федоровичи Черемисиновы”[7].

В исследуемых материалах встречается прозвищное имя Москаль со значением “русский, выходец из Москвы”: “послан с Москвы в Казань Ивашко Москаль” (ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Ед. 62).

Изучаемые источники свидетельствуют и об отражении в антропонимах древних этнонимов. От наименований древних финских племен Чудь возникли имена Чудин, Чудак, Чудняк, Чудинец, представленные в зауральских источниках: “ссыльные... Чюдин Чортов” (ОР РГБ. Ф. 256; К. 47. Ед. 36), “Чудинко Сырьянов” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 746. Л. 120), “из Ницынских житниц Сургуцкого городка с казаком с Чюдинком Федоровым послано в дощанике ржи” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 67. Л. 44 об.), “двор Чудинка Микитина” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 5. Л. 183), “двор Онкудина Чудинова” (ГАТО. Ф. И 47. Оп. I. Кн. 4664. Л. 6), “Васька Чудняк” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 919. Л. 83), “Алексей Васильев сынъ Чюдинец” (ФГАКО. Ф. 224. Кн. 2. Л. 3). Имя Чудин было употребительно в XVI - XVII вв. Срв.: “Чудин Карачаров”, “Чудин Григорий Иванович Акинфов (5. С. 356), “деревня Выездная за Чудином да за Крячком” (Суздальский у. 1630 г.. ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 616. Л. 25).

Древний этноним печенег возможно дал основу для личного имени Печенка, а затем для фамилии Печенкин, Печенин, которые и ныне известны в Зауралье. В памятниках XVII в. наблюдаются такие антро-

понимы: “яз Иван Ярофеев сын Печенкин” (ЦГАДА. Ф. IV. Оп. I. Ст. 144. Л. 56), “рещикъ Василей Печенкин” (ГАТО. Ф. И 47. Оп. 2. К. 29. Л. I).

Зауралькие антропонимы возможно закрепили бытование такого этнонима, как кипчак. Срв.: “во дворе ямщикъ Якушко Иванов сынъ Кичаков” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 1276. Л. 180 об.), “до межи ямского охотника Юдки Кичакова” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 968. Л. 301), “Митка Кичаков” (Там же. Л. 302), “ямщик Васька Иванов сынъ Кычаков” (Там же. Л. 181).

Зауральское прозвище Чекотай и возникшая от него фамилия отражают название тюркского племенного союза чекотай (Чеготай), названного по имени одного из сыновей Чингиз-хана. Срв.: “двор пашенного крестьянина Федки Чекотая” (ОР РГБ. Ф. 218. Кн. 547. Л. 43), “порука... на Стенку Чекотаива” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 731. Л. 53 об.).

В русских летописях под 1097 г. встречаем сообщение о кочевом народе, остатке хозар-берендеев. В XII в. берендеи были уже полуоседлым народом, упоминание о них в памятниках исчезает. Но память сохранила этот этноним в собственных именах. В Дозорной книге за 1623 г. по Тобольску упоминается починок новоприбылого Ивашка Пермитина Берендея (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 3. Л. 102). От данного прозвища возникла фамилия Берендеев, а также в иной огласовке Барандеев.

Древние племена угров (югров) также закреплены в исторической антропонимии. В зауральских памятниках распространены имена и возникшие от них фамилии: Угрим, Угрин, Угранин. Срв.: “Угрим Васильевич Новосильцев” (ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Ед. 32. Л. 2), “Екатеринбургского заводу господинъ подполковникъ Леонтий Дмитриевич Угримов” (ФГАКО. Ф. 224. Кн. 65. Л. 176 об.), “во дворе салдацкая Григорьевская жена Угренинова Лукирья” (ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 3 об.). Представлены и фамилии Венгренин, Венгренинов, Венгерской. Срв.: “Ивашко Венгрянинов”, “Петрушка Венгренин” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. II. Л. 381. Л. 409), “Ивашка Венгерской” (ЦГАДА. Ф. 214. Ст. 37. Л. 58), “сынъ боярской Афанасей Иванов сынъ Венгерской” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 261. Оп. 5. Л. 150).

Этноним лопарь (саам) послужил основой для прозвищ и фамилий. Срв.: “Ортюшка Лопаришка” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 918. Л. 158), “Ивановская жена Лопырина вдова Олена” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 1317. Л. 428 об.).

Употребительны были в Зауралье и прозвища, возникшие от этнонима карела (корела). Срв: “Якунка Карела” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 1207. Л. 8 об.), “ямской охотникъ Ивашко Захарьевъ сынъ прозвище Корелка” (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 21. Л. 45 об.), “Багарятской слободы крестья-

нин Григорей Карелин” (ФГАКО. Ф. 224. Кн. 65. Л. 167), “Корелетин” (АТО. Ф. И 47. Кн. 2055. Л. 169).

Старинные местные документы сохранили для нас также антропонимы, отражающие живую связь с наименованиями как местных народов, так и народов, появившихся здесь вместе с русскими. Принявшие вместе с христианством календарные имена от русских, местные народы сохраняли память о своей этнической принадлежности в прозвищах. Срв.: “Беляковской слободы Сергей Сергиев сын назвищем Башкир” (РАКО. Ф. 224. Кн. I. Л. 6).

Часто этнонимы бытуют в качестве единственных личных имен. Срв.: тобольский сотник Черкас Рукин ставит Енисейский острог в 1619 г.; “Полячко Шаблыкин... Латышко Сандрин” (ГАДА. Ф. 214. Кн. 746. Л. 114). Эта особенность характерна для старорусского периода. Срв.: в Синодике, в котором записана память по “убиенным при взятии Казани” встречаем в качестве личных имен и этнонимы: “Угриму Михайлову сыну Лупандину” (ОР РПБ. Ф. 254. Л. 42).

Можно отметить широкую вариативность анализируемой лексики. Фонетическая вариативность мотивирована звучанием слов в языке источнике. Срв.: Башкир, Башкорда, Башкур, Башкаур; Калмак, Колмак, Калмык; Мунгал. Шире представлена словообразовательная вариантность. Срв.: Башкир, Башкирец, Башкиренин, Башкиретин; Бухара, Бухарец, Бухаренин, Бухаретин, Бухарской; Вогул, Вогула, Вогенин, Вогулетин, Вогуляк; Литва, Литвинец, Литвин, Литовской; Самоядь, Самояда, Киргиз, Киргизянин, Киргизятин; Черкас, Черкашенин, Черкасской.

Анализируемые материалы дают возможность проследить общность суффиксального оформления в этнонимической, антропонимической и апеллятивной лексике. Срв. суффикс *-енин* (*-анин*): корелянин, башкирянин, бухаренин, русенин, черкашенин, немченин, французенин, угренин, а также: вологжанин, вятчанин, устюжанин, устюженин, тотмянин, заонежанин; *-итин* (*-етин*): бухаретин, башкиретин, вогулетин, киргизетин, а также: пермитин, тверитин, москвитин; *-ец*: башкирец, бухарец, литвинец, а также: ярославец, романовец, камышловец; - финаль *ак* присутствует в таких этнонимах и антропонимах, как: колмак, русак, кайсак, остяк, вогуляк, чудак, а также: тверяк, пермяк, пинжак (от гидронима Пинега), чердак (от топонима Чердынь).

Зафиксированы и женские параллели к данным именам: Калманка, Остятка, Немка, Вогулка, Литовка, Киргизка. Суффикс *-ка* широко продуктивен в XVI - XVIII вв. в этнонимии, антропонимии и апеллятивной лексике.

Памятники русской письменности Зауралья XVI - XVIII вв. являются ценными источниками для изучения этнокультурных контактов населения этого региона; для понимания процессов формирования территориальной (этнотерриториальной) общности сибиряк.

ГАТО – Государственный архив древних актов Тюменской области
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РПБ – Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге
ФГАКО – Филиал Государственного архива Курганской области в Шадринске
ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов в Москве

[1] Этническая ономастика. Отв. ред. ***Р.Ш.Джарылгасинова, В.А.Никонов***. М., 1984.
[2] ***Зинин С.И., 1972.*** Введение в русскую антропонимию. Ташкент, С. 215.
[3] ***Котков С.И. 1980.*** Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., С. 17.
[4] ***Фасмер М., 1967.*** Этимологический словарь русского языка. М., Т. II. С. 325.
[5] ***Веселовский С.Б. , 1974.*** Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., С. 273.
[6] Новгородские кабальные книги 1599 - 1600 гг. СПб., 1894. С. 11.
[7] ***Веселовский С.Б., 1974.*** Указ. раб. С. 35.